

ГЛАВА 1

У меня были бы все шансы стать послушной куклой или тайной истеричкой, если бы я с младенчества росла в пансионе госпожи Тодлер, как другие девочки. Но мне повезло: до десяти лет меня холили родители. Впрочем, Керри Сьон говорит, что, наоборот, это хуже: другие девочки не скучают по кружевным платьям, сдобным булкам и варенью в вазочках, по прогулкам на пони и веселому папе — большинство воспитанниц мадам Тодлер не знают, каково это, и принимают похожий на тюрьму пансион как норму жизни.

Я с Керри Сьон не согласна: лучше тосковать по прекрасному, чем верить в то, что мир создан серым. И нет, привычка не помогает. Иначе не стала бы скулить просто так по ночам Эни Могг или грызть до крови ногти без видимых причин Джинни Вэйр. Или пугающе стонать во сне, как Марта Хомтер. Приходится гладить ее по голове и нашептывать мамины песенки.

У нас в спальне на двенадцать персон с зарешеченными окнами и сырыми матрасами всегда холодно. Во всех спальнях так. Говорят, лучше для воспитания.

Госпожа Тодлер с сестрами берет под опеку девочек, о которых некому стало заботиться, и следит, чтобы магия в нас не пробудилась, чтобы мы были обыкновенными и удобными служанками в будущем. Мол, если возникнет магия, нам прямая дорожка в темные кварталы, в резервацию, а то и за решетку похуже.

А я думаю, она просто ненавидит магов. Поэтому «дисциплина, холод, порядок и еще раз дисциплина», как говорит

наша воспитательница, выпрашивая деньги на сирот у очередного мецената, — это наши будни и праздники.

Самый большой праздник, кроме Дня Новой Зари, — это как раз приезд господ из города, попечителей и желающих ими стать. Нам выдают строгие белые фартуки поверх мышиных платьев, ленты в косы, вручают на завтрак яблоко и песочное печенье, а в кашу добавляют масла, молока и меда.

Обед, увы, праздничным не бывает. Дамы и господа никогда не остаются дольше чем на пару часов. Потреплют кого-то по голове, зададут вопрос, не особо слушая ответ, и после роскошного угощения в кабинете госпожи Тодлер уезжают с лицами довольными и благостными, переполняясь ощущением собственной добродетели настолько, что боятся расплескать, садясь в экипаж. Мадам Тодлер с сестрами так перекармливают их гусем с яблоками и просьбами, что господа из города торопятся сбежать.

Что и говорить, я люблю, когда они приезжают, мне нравятся яблоки и молочная каша, и я обожаю печенье. И я понимаю господ: сбежать я тоже хочу, вот только пока некуда.

К сожалению, после того, как родители погибли, а я попала сюда, я ни разу не выезжала в город, зато скопила пятьдесят монет. Остальные деньги сестры отобрали. Они всегда отбирают то, что дают девочкам меценаты, и наказывают жестко, если пытаться что-то скрыть.

Но я хитрая: отдаю все, а одну монету прячу в рукав. Еще папа меня учил такому фокусу ради забавы. Знал бы он, как пригодятся мне его смешливые уроки в семнадцать лет. Я отточила мастерство до совершенства, тренируясь на камешках в саду. Так что спрячу в потайной кармашек-складку на своем рукаве что угодно — вы и не заметите!

Для нашего приюта я переросток. Других отправляют прислужой и в четырнадцать, и в пятнадцать, но госпожа Тодлер не хочет меня отсылать: уж слишком хорошо у меня получается успокаивать наших девочек. Как у кого истерика,

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

припадок или конвульсии, зовут меня. Бежать к целителю в поселок им недосуг.

Почему сестры не понимают, что можно просто поговорить и приобнять ласково, для меня загадка. Может, их самих никто не обнимал? Изредка мне их даже жалко: тяжело просыпаться злым, ходить весь день злым и даже солнцу весной не улыбаться. Я предпочитаю и в нашей серости находить что-то хорошее: зеленую траву, например. После зимы особенно радует!

А еще мне кажется, что истерики и прочие недомогания происходят не просто так — это в девочках пытаются пробиться наружу запретная магия, которой они и сами боятся, ведь сестры с пеленок всех устраивают, что нет ничего хуже. А я не боюсь, мои родители были магами, но об этом запрещено говорить.

Я чувствую что-то особенное, похожее на волны, исходящие время от времени от девочек. Когда ледяной карцер и наказания не помогают их усмирить, они становятся бешеными, как море, о котором рассказывал папа. И девочка может умереть, если не остановить приступ.

Порой я чувствую приближение этих волн издалека и просто до наказаний подхожу к девочке, толкую, а сама мысленно переплетаю начинающие подозрительно теплеть волны вокруг нее с прохладными, как голубые ленты, волнами из воздуха рядом. И кошмар рассеивается прежде, чем случится. Жаль, не уследишь за всеми — нас тут шесть дюжин. А вообще у меня магии нет, только способность к фокусам и утешению.

Девочки приступы перерастают, будто при взрослении умиряется их суть, и они становятся обычными людьми. Вот тогда и считается, что они готовы к выпуску. У меня приступов никогда не было, и госпожа Тодлер сказала, что однажды из меня выйдет отличная служанка. Вот только не отправляет никуда.

И с недавних пор даже стала отправлять меня в карцер на те пару часов, когда приезжают меценаты. «Для твоей пользы», — говорит. А мне досадно: ни монеты лишней не отложить, ни яблока.

Сегодня ночью мне приснился кошмар: будто на меня надвигается что-то огромное и черное. Оно поглотило меня, словно жадная, холодная пасть, — дышать стало невозможно; а потом я взорвалась. Такая вспышка была, что я проснулась и подскочила на кровати, вся в ледяном поту. До утра не могла заснуть.

А затем случилось ужасное: госпожа Тодлер вызвала меня к себе после завтрака. Похожая на истощавшую от злости крысу, она, глядя в упор серыми глазками, сухо произнесла:

— Танатрея, ты знаешь, что тебе исполняется восемнадцать через три дня и ты больше не сможешь быть воспитанницей пансиона, согласно уставу.

Мое сердце замерло. Она наконец отпускает меня? Бог Всемогущий, неужели я увижу мир и уеду отсюда?!

Радость моя не продлилась и пары секунд. Узкие губы мадам Тодлер сложились в подобие снисходительной улыбки.

— Тебе повезло больше других, Танатрея. Было решено на совете, что ты останешься с нами.

— Как?! — вырвалось у меня.

Хозяйка приюта для сирот приняла мой шок за восторг и позволила себе улыбнуться еще шире.

— Ты останешься младшей воспитательницей, а затем станешь одной из сестер. Документы на оформление совету будут переданы в день твоего рождения.

— Но, матушка, — сглотнула я и взглянула ей в глаза, — почему именно мне оказана такая честь?

Улыбка госпожи Тодлер стерлась. Она плотно сжала узкие бледные губы, и те почти исчезли.

— А вот этого я не люблю, — процедила она. — И ты знаешь об этом. Сама понимаешь, что честь, вот и радуйся. Целуй руку и веди младших на сбор дикого чеснока и первоцветов в лес. Завтра в пансионе гости.

Я с отвращением коснулась в поклоне губами морщинистой кожи и покинула кабинет. В висках пульсировало: у меня меньше трех дней, чтобы сбежать. Я не останусь здесь ни за что! Вечная тюрьма — не то, о чем я мечтаю.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

И вдруг я глянула на ожидающих меня девочек у входа. А как же они? Кто их будет успокаивать? Комок ярости в груди растаял, сменившись жалостью и отчаянием. Почему всегда нужно выбирать между сложным и архисложным?

Мама говорила: «Ты рождена свободной, и оставайся такой всегда!» Папа... Впрочем, из-за любви к свободе они и погибли.

Одиннадцать подопечных вышли под моим надзором во двор. И я за ними, прихватив из рук Кэрри корзинку. Сощурилась от яркого солнца, поехала от мартовской прохлады и затянула на поясе теплый платок, который нам выдавали вместо пальто. Глянула на блестящую свежестью молодую травку и дико ей позавидовала: даже она свободнее меня!

Раздавая задания девочкам, проводя их через внутреннюю калитку в еще не покрывшийся зеленью на ветвях лес и шагая по тропинке вслед за ними, я думала только об одном: «Три дня... У меня есть три дня... Если совет поставит в мои документы печать, что я приписана к пансиону навечно, даже при побеге мне будет открыта только одна дорога: в темные кварталы».

Девочки разбрелись по холмам и оврагам, поросшим столящими, как солдатики, ростками дикого чеснока, полезного от сотни болезней, простуд и выпадения волос. Собрать надо много, сестры с девочками потом маринуют его в бочках, чтобы хватило на весь год.

Я отстала от подопечных, поглядывая иногда, и продолжила рассуждать. Итак, темные кварталы. Кому я там буду нужна с умением вытирать носы и штопать рваные чулки? Но стать сестрой? Дать обет безбрачия и пожизненной службы пансиону и мерзкой госпоже Тодлер?! Боже Всемогущий, что же делать? Что делать?!

Нет, бежать нужно раньше! Сегодня же ночью пробраться в кабинет хозяйки, выкрасть свои документы, выкопать монеты, спрятанные под корнем дуба, третьего по тропинке за забором в лесу, и до рассвета бегом к дороге, надеясь на проезжего селянина на повозке или дилижанс для тех, кто

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

побогаче. Пока на моих документах лишь печать воспитанницы, изображу роспись хозяйки, будто я отпущена.

Только их надо скорее выкрасть. А девочки... я им сегодня же расскажу втайне про волны энергий и плетения, я...

Откуда-то слева раздался вскрик. Я узнала голос сразу: это Нэтси Банфэ, младшая из нашей группы. Я ринулась к ней. Оттуда же, из-за густой стены вечнозеленого папоротника на валунах донесся рев, от которого мои руки покрылись мурашками.

Нэтси завопила еще громче. Девочки за моей спиной подхватили визг и закричали сами. Я выскочила за камень и на тысячную долю мгновения остолбенела. Девятилетняя Нэтси припала к куче жухлых листьев, отчего-то неистово вцепившись руками в корзинку, а над ней нависала жуткая чешуйчатая виверна. Я таких только в книжках видела, еще до пансиона.

«Сожрет!» — мелькнуло в голове.

— Эй, ты! — крикнула я во все горло и бросила корзинку в чудовище. — На меня посмотри!

Виверна, едва не капнув слюной на светлую макушку Нэтси, повернула ко мне клыкастую пасть. В руках моих больше ничего не было, да и я сама была по сравнению со зверюгой как кошка у копыт лошади. Но почему-то не испугалась, только за Нэтси было страшно. Со всей яростью, будто передо мной была мадам Тодлер, а не крылатая гадина, я выпалила: «Ты тут еще! Уходи отсюда! Сейчас же! Прочь!» — и выставила вперед руки, защищаясь.

И вдруг из моей ладони вспыхнул свет — знакомые мне волны энергии, только желтые. Они ударили по виверне. Та отшатнулась.

— Пошла прочь! — повторила я.

К моему удивлению, чудовище развернулось и, ломая ветки, направилось туда, куда летели мои волны. Не прошло и минуты, как чешуйчатый хвост мелькнул в кустах и скрылся за скалой. Я бросилась к Нэтси, лежавшей без движения на прошлогодней листве. За моей спиной послышался испуганный голос Кэрри Сьон:

— Это что, магия была?

Я подхватила на руки бледную малышку, та была без сознания. Нервно сдула упавшую на глаза из-под платка прядь волос:

— Магия-шмагия, какая разница? Никому ни слова. И все назад. В пансион. Бегом! Виверна может вернуться!

Девочки с визгом бросились к пансиону. Я — за ними с Нэтси на руках.

Весть о том, что я прогнала виверну с помощью магии, разлетелась по пансиону быстрее, чем я успела привести в себя Нэтси. А я-то думала, что те, о ком я столько заботилась, меня не сдадут... Как глупо!

«Магия! Магия! У Треи есть магия!» — шуршали, как листья по двору, шепотки со всех сторон, когда я шла в сопровождении двух дюжих угрюмых сестер из кабинета госпожи Тодлер.

По правде говоря, я испытала облегчение, внезапно осознав, что мыслями о побеге не предаю тех, кто предал меня. А когда хозяйка пансиона голосом подстреленной белки изрыгала на меня свое негодование, и я сказала, что все равно из меня сестры не выйдет: столько злобы я за всю жизнь не накоплю, — мне стало еще лучше. Хоть что-то, наконец, было честно.

И несмотря на холодок в животе и ледяной мрак карцера, куда меня тотчас заперли, внутри меня развернулось неизвестное прежде пространство: свобода! Вот о чем говорила мама и за что боролся папа! Я обхватила колени руками, пытаюсь сохранить тепло, и прислушалась к дерзкому, сладкому, свежему чувству.

Глаза быстро привлекли к темноте, да и что я тут могла не знать? Что у скамьи справа от моей ладони есть зазубринки? Что в левом углу чуть-чуть теплее или что можно пройти два с половиной шага от стенки до двери?

Я подумала о том, что ужасно глупо было ждать до последнего и не брать судьбу в свои руки. Я могла сбежать год назад и даже два. Но что-то меня здесь держало. Может,

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

любовь к этим мелким болтливым дурехам? Я и сердилась, и была благодарна: они решили проблему за меня, теперь вопрос «бежать или не бежать» не стоял. Поздно.

С этой стороны дверь карцера не открыта, а завтра госпожа Тодлер обещала кого-то страшного по мою душу, чтобы отправить в тюрьму или резервацию. Это как Совет решит. Наверное, пришлют из города. Что ж, по крайней мере, город увижу...

И вдруг мое внимание привлекло пятно. Черное и круглое, оно висело в воздухе на уровне моих глаз и, казалось, немного пульсировало.

Опять обман зрения! В темноте увидишь и не такое. Я с досадой ткнула в центр чернильного круга, и палец... будто провалился во что-то холодное, маслянистое. Я отдернула руку, с трудом различив крошечную воронку на месте моего пальца.

Пятно тут же свернулось и исчезло в этой воронке. Я усмехнулась. Лучше б мне привиделось печенье. Сижу здесь уже битый час, если не два. Вряд ли сегодня принесут обед, лучше о еде и не думать...

И вдруг я расслышала шаги по коридору, гораздо более четкие и тяжелые, чем шаги сестер. Стремительные, как колеса мчащейся по брусчатке повозки. А за ними шаги мелкие, перебежкой. Бормотания и бас. Слов за толстыми стенами не различить.

Мое сердце ухнуло: так быстро прислали за мной инквизитора?!

Дверь распахнулась, я сощурилась от света и разглядела лишь внушительную, широкоплечую фигуру мужчины в черном плаще.

— И нечего было врать, что здесь никого нет! — рыкнул он с басистой хрипотцой, от которой по моим рукам пробежали мурашки.

— Господин, но... — начала было испуганно скрежетать госпожа Тодлер.

Он заткнул ее одним движением руки и обратился ко мне:

— Ну, и долго сидеть будем? Подвал дорог? Выходи!

ГЛАВА 2

Я подскочила со скамьи и шагнула к выходу. Мужчина чуть посторонился. Я взглянула на него и потеряла дар речи: это была не игра светотени, как мне показалось из карцера, у него действительно не было лица! Точнее, оно было скрыто обрывком темного клубящегося облака, пронизанного штрихами ливня, отчего невозможно было разглядеть черты. Лишь на мгновение показалось, что я вижу пристально смотрящие на меня серые глаза. Он маг?

Беглый взгляд на его фигуру, тоже покрытую сумрачной завесой, но не так плотно, как лицо, отметил крупную руку, сжимающую короткий жезл из черного металла с инкрустированным в наконечник алым камнем. Конечно маг! И точно не инквизитор!

Теперь понятно, почему госпожа Тодлер бормотала в таком ужасе и замолчала по одному его жесту. Она и сейчас стояла как столб, присыпанный мелом. Он ее заморозил? Да нет, хлопает ресницами.

Маг указал жестом на лестницу и скомандовал госпоже Тодлер:

— Теперь в кабинет. Я забираю девочку и бумаги на нее.

Хозяйка пансиона вздрогнула и несвойственно ей пискнула:

— Но вы не можете! Я за нее отвечаю!

— Больше нет, — отрезал маг, затем повернул ко мне голову, сквозь завесу я угадала прямой нос и мощную челюсть, покрытую короткой черной бородой, и черты его вновь слилз мистический дождь. — Ты хочешь здесь остаться?

— Нет, — мотнула я головой. — Но... А вы кто?

— Твое светлое будущее, — ответил маг. — Идем. Мадам?

Госпожа Тодлер сжала руки в кулаки и выдавила:

— Это произвол. Я буду жаловаться Совету!

— Мы уйдем, и сколько угодно, — заявил маг. — Еще раз показать, на что способны черные маги?

Госпожа Тодлер побледнела сильнее, хотя, казалось, это невозможно. Нервно передернув плечами, она развернулась

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

и зашагала вверх. Я по природе не робкого десятка, но стоять рядом с сумрачной фигурой было не по себе. В голове рисовался вопрос: «Что лучше: отправиться в тюрьму или с этим пугающим незнакомцем?»

Он не дал мне времени на рассуждения, подхватил под локоть и задал направление. Странно было ощущать горячую большую руку, которая будто не могла принадлежать фигуре из сумрачного дождя: слишком контрастные ощущения. Уже на ходу я спросила:

— А вы правда черный маг?

— Неужели похож на белого? — усмехнулся он.

— Я не разбираюсь. Что в вашем понимании «мое светлое будущее»? — проговорила я.

— Не тюрьма и не рабская резервация, куда тебя отправят просто за то, кто ты есть.

— За магию?

— Именно.

Мы вышли из подвального этажа на первый. У меня вырвался удивленный возглас. Сестры в серых одеяниях стояли, застыв в разных позах, словно отекие под пламенем свечи. Над ними клубилась белесая дымка, а на полу у их ног были разбросаны бумаги, яблоки и неожиданно крошечная мышь, задрывшая кверху лапки.

Воспитанницы сбились кучками позади сестер, глядя на нас расширенными глазами. В закрытые окна бился ветер, неизвестно откуда нагнав сизые тучи — такие же, как и те, что окружали незнакомца.

Мне стало совсем не по себе. Чего этот маг на самом деле хочет? Мне радоваться или бояться? Ноги переступали сами собой, в животе свернулся холодный комок пугающей неопределенности.

Госпожа Тодлер влетела в свой кабинет и кинулась к столу, на котором по обыкновению царил зубодробильный порядок, как и в ее прическе: волосок к волоску. Она застыла над столешницей, широко расставив руки.

— Можно не стараться: инквизиторов не звать. Они далеко, — холодно заявил маг. — Документы на... Как твое имя?

— Танатрея Стоули, — пробормотала я. — Как вы обо мне узнали? Почему пришли за мной?

— Позже об этом, — отрезал маг.

— Нет, сейчас! — возразила я.

— Понятно, почему ты сидела в карцере, — его голос раскатисто перешел в рык. — Я сказал, позже. Можешь считать это похищением. Документы! Или я сожгу к чертям эту изуверскую богадельню!

«Да он сумасшедший!» — поняла я и осторожно попятилась к дверям.

На конце его жезла вспыхнул огонь. Госпожа Тодлер завопила:

— Трея! Уходи, уходи с ним! Спаси остальных! Ты же всегда о них заботилась! Подойди, вот твои документы!

Она протянула мне желтоватый конверт.

— Хорошо, — проговорила я.

— Быстрее! — скомандовал маг.

Госпожа Тодлер вдруг вскинула голову и начала быстро тараторить, словно он ей, а не мне приказал торопиться.

— И не надо наговаривать про изуверство! Изуверы — это вы, маги! Вы уничтожаете людей, калечите, унижаете, пользуясь силами, полученными не по праву! Вы — порождения демонов! А здесь мы делаем из таких, как вы, нормальных людей! И здесь не мучают, не избивают воспитанниц, как в других приютах! У нас только дисциплина и закладка! Мы — честное, угодное Свету и Богу заведение!

— Вы женщина, вы не заведение, — сказал маг, забирая из моих рук пакет. — Ваши приспешницы отомрут, только когда мы беспрепятственно покинем приют. Или никогда. Советую не мешать.

Словно во сне, он подхватил меня под руку. Можно было не передвигать ноги: маг так придавал мне ускорение, что я в любом случае неслась бы за ним, как ветка, запутавшаяся в рогах бешеного быка.

Мы прошли в спальню. Забрали мои вещи, которые уже кто-то собрал в мешок. На выходе я махнула растерянными девочкам, все так же толпившимся по-овечьи за «замороженными» сестрами. Мельком глянула напоследок на серые сте-

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

ны, на травку во дворе. Мы выскользнули из боковой калитки в лес, достигли дубов.

— Мои монеты! — воскликнула я, глупо хватаясь за них как за последнюю возможность притормозить и что-то исправить.

— Где?

— Под корнями.

Маг направил свой жезл туда, куда я ткнула пальцем. Буркнул что-то похожее на «Лор-ан-лев». Листья взлетели, земля пошла трещинками, вздыбилась и... выплюнула мой завернутый в тряпицу клад. С мельчайшим движением жезла сверток подлетел в воздух и сунулся в мои руки, как доверчивый крот.

Мы сделали еще несколько шагов, и за нашими спинами раздались женские вскрики и дружный девчачий визг. Зазвонил колокол. «Сестры отмерли», — поняла я.

— Вот теперь действительно нет времени! — сказал маг и, свистнув в сторону, начертил жезлом круг в воздухе. Тот начал искрить.

— Но куда вы меня?..

— К демонам! Вперед!

Из ближайших кустов выпрыгнула уже знакомая мне виверна. Нырнула мордой под мышку магу. Он обхватил ее за шею. Запрыгнул в мгновение ока. И, подхватив свободной рукой, подбросил меня так, что я оказалась прямо перед ним со своим мешком. **НА ШЕЕ ВИВЕРНЫ!**

Горячая ладонь прижала меня к твердому телу, погрузив в прохладное сумеречное облако. Искрящийся воздух развернулся внезапно, словно круглая, опаленная огнем дверь. Виверна взмахнула крыльями, оттолкнулась сильными лапами от кочки. И мы влетели в сверкающий круг так быстро, что у меня перехватило дух. Я крикнула не своим голосом:

— Не хочу к демонам!

— Поздно, — сказал маг с бархатной хрипотцой.

Я обернулась. Круг за нами схлопнулся. Виверна приземлилась так, что у меня ухнуло в животе.

Перед нами простирались звездная ночь и поле. А маг рассмеялся.

— Успели. Все хорошо, — сказал он бархатным голосом прямо над моим ухом, и я почувствовала тепло его губ, почти коснувшихся меня.

По телу пробежали мурашки, в животе сжались мышцы. Я подалась вперед, отстраняясь, и резко обернулась через плечо. Сквозь облачную маску я снова рассмотрела внимательные серые глаза. А еще, кажется, упавшую на высокий лоб черную прядь. Но вверна, как послушная лошадь, склонила шею к земле, и увиденное стерлось в штрихах мистического дождя.

Сумеречный маг спрыгнул с чудовища сам и, обхватив за талию, снял меня аккуратно.

— Можешь не бояться, — сказал он.

Помня об обещанных демонах, я переступила с ноги на ногу. Вокруг не было ни души. Полная луна освещала золотые колосья не хуже площадного фонаря, ей помогала россыпь крупных мерцающих звезд. Носа коснулся запах полыни и мяты. Прижимая к себе мешок, как щит, я смотрела на громадную фигуру в облаке дождя.

— Я ничего не боюсь! — выпалила в ответ, но на всякий случай отступила подальше.

Он усмехнулся и переложил жезл из одной руки в другую.

— Вы всегда такой... без лица? — вырвалось у меня.

— Любопытство погубило кошку.

— Но я хочу знать...

— Тш-ш! — Он приложил палец туда, где подразумевались губы, и строго добавил: — Не мешай.

Я уже видела, во что он превращает тех, кто лезет под руку, так что несмотря на ужасное волнение и еще более ужасное желание выяснить, что происходит, я замолчала.

Вверна же отошла в сторону и развалилась на пшенице, подмяв ее под себя, будто огромная сторожевая собака. Здесь отчего-то было жарко. Я потянула вниз теплый платок, но замерла снова. Колосья? Запахи трав? Жара?! Сейчас же март! Зябкий, промозглый март! И почему ночь?! Как он смог выключить день?

Тем временем маг нарисовал жезлом в воздухе светящийся круг. Проговорил совершенно непонятное заклинание

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ДРАКОНОВ. АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБСТВА

гулким басом, а затем вложил в центр круга ладонь и слегка продавил. Раздался треск, посыпались огненные искры. Пространство разорвалось, словно бумажный плакат, и в круг, как в дверь, вошла высокая женщина в бордовом плаще с наброшенным на лицо капюшоном.

— Ты звал меня, Вёлвинд?

— Да, — кивнул маг. — Кое-что пошло не по плану. Забери девушку с собой. Ее зовут Танатрея Стоули. Заклинательница драконов. Дар очень сильный. Так впечатала свою энергию в ауру Ариадны, что та чуть не перестала признавать мои приказы — еле поймал и привел в чувство.

— Твоя боевая виверна?! — ахнула женщина и посмотрела на меня.

Капюшон упал ей на плечи, представив на обозрение медового цвета волосы, уложенные в высокую сложную прическу из переплетенных кос, длинную шею и красивое немолодое лицо, которое совсем не портил нос, выдающийся чуть больше, чем принято по канонам. Ей было на вид лет сорок...

— Представь себе, — ответил маг. — Уходите порталом. Времени у меня нет. Девочка — сирота из одного из тех самых приютов. Так что это вообще чудо. Передай Гроусону, чтобы принял в академию под мою личную ответственность и защиту.

Я в волнении сглотнула. Меня? В академию? Под его защиту? Почему?!

Маг с женщиной приблизились. Мне все еще было не по себе от возвышавшейся надо мной сумрачной фигуры, но я взглянула на него пораженно и пробормотала:

— Спасибо...

— Учись хорошо. Ты особенная. Но будешь филонить — узнаю и спрошу по всей строгости.

— Не буду... — пролепетала я, пытаюсь вновь разглядеть лицо за маской.

Увы.

Женщина улыбнулась мне и протянула руку, унизанную протестиями с большими камнями.

— Пойдем, Танатрея. Больше нечего бояться. Меня зовут леди Элбери.